

Деструктивный текст как объект лингвокогнитивных исследований

деструктивность, деструктивный текст, деструктивная интенция, аксиологическая структура текста

Текст в современных гуманитарных исследованиях представляет собой широкое по объему и разнообразное по содержанию понятие. В теории постмодернизма текст – это симулякр реальности, «ткань», продуцирующая «следы» прошлых текстов и эпох [Рубцова 2018: 133], весь мир есть текст; Ю. Лотман говорит о тексте как о «конденсаторе культурной памяти» [Лотман 1996: 10]. В лингвистике текст также трактуется по-разному: от узкого подхода, представленного в трудах О.С. Ахмановой [Ахманова 1969], И.Р. Гальперина [Гальперин 1974] и др., до предельно широкого, согласно которому текст включает «визуализированные произведения, произвольно организованные речевые высказывания (например, естественная письменная речь), транслируемые по разным каналам восприятия и направленные на обслуживание разных сфер современной жизни» [Ионова 2018].

Деструктивный текст – понятие, новое в лингвистических исследованиях, хотя в некоторых работах упоминаются тексты «деструктивной направленности» [Злоказов 2015; Гостюнина 2021], под которыми понимаются тексты, «констатирующие, иллюстрирующие агрессивные и насильственные действия или призывающие к их совершению» [Злоказов 2015: 25]. Представляется, однако, что деструктивный текст должен отвечать ряду критериев или параметров, чтобы называться таковым. Попытки параметризации деструктивного общения уже проводились (см. [Волкова 2014]), и, применительно к деструктивному типу общения можно вести речь о пяти параметрах, которые включают в себя наличие деструктивной интенции, эмоционального стимула, соответствующей коммуникативной ситуации (деструктивное общение реализуется в ситуациях открытой, скрытой и

пассивной деструктивности), а также фиксации негативной эмоциональной реакции адресата и позитивной эмоциональной реакции адресанта, соответственно.

Однако если в дискурсивной практике проведение подобного рода параметризации видится вполне выполнимой задачей, то в случае текста параметры деструктивности требуют корректировки. В частности, невозможность непосредственно оценить обратную связь и реакцию адресанта предполагает переосмысление последних двух параметров.

Ключевым моментом в анализе деструктивных текстов является выявление деструктивной интенции в рамках когнитивно-функционального подхода. Не погружаясь глубоко в разбор понятия «интенция», возьмем за основу понимание интенции П. Грайсом, а именно: интенция есть то, что конкретный говорящий имеет в виду (means) под своим высказыванием [Grice 1969]. Выявление деструктивной интенции тесно связано с анализом содержательных компонентов деструктивности в тексте, ибо интенцию нельзя рассматривать как изолированное явление, не связанное с текстом. Рассмотрение деструктивной интенции также предполагает использование качественных методов, в частности, метода контекстуального анализа, который обязывает исследователя быть «чувствительным к контексту» [Щербакова 2009], т.е. демонстрировать умение видеть конфликтную ситуацию, понимать ее, учитывая возможные последствия. Приведем пример:

Накануне бывший министр культуры, помощник президента и председатель Российского военно-исторического общества назвал тварями педагогов этого факультета с либеральными взглядами. <...> «Журфак МГУ забит этими тварями из числа либеральных преподавателей», – цитирует экс-министра РИА Новости (<https://govoritmoskva.ru/news/336974/>).

Использование лексемы «тварь» по отношению к человеку является в данном контексте вербальным выражением интенции оскорбить и унижить определенную группу лиц. Эксплицитную отрицательную реакцию обобщенного адресата на данное высказывание можно проследить в беседе радиостанции «Говорит Москва» с П. Гусевым, председателем московского регионального отделения Союза журналистов России, членом СПЧ: «Я отношусь к этому очень отрицательно». (<https://govoritmoskva.ru/news/336974/>)

В качестве примера четко выраженной деструктивной интенции, представленной обсценной лексикой, можно привести ответ бывшего посла Украины в Германии, дипломата А. Мельника американскому предпринимателю И. Маску в Twitter на его предложение о мире между Россией и Украиной: *Fuck off is my very diplomatic reply to you @elonmusk* (<https://twitter.com/MelnykAndrij/status/1576977000178208768>).

Тот факт, что оскорбительный текст не был удален, свидетельствует о том, что автор не сожалеет о его содержании. Более того, данный твит может рассматриваться как иницирующий текст, т.е. текст, который вызывает комментарии пользователей, также содержащие деструктивный компонент.

Деструктивная интенция может быть представлена не только обсценной, эмоционально-маркированной или стилистически сниженной лексикой. В тексте может быть реализована установка на физическое уничтожение объекта, что сближает рассматриваемый вид текстов с экстремистскими текстами. В качестве примера можно привести выдержки из беседы журналиста А. Красовского с писателем С. Лукьяненко, где журналист прокомментировал рассказ С. Лукьяненко о «поездке ребенком на Украину в 1980-е годы, где некоторые дети, по его воспоминаниям, говорили, что «Украина оккупирована москалями»: *«Вот прям **топить** этих детей, топить. Это не ваш метод, вы интеллигентные люди, писатели-фантасты, а это наш метод. Вот прямо сказал, что «москали оккупировали», и сразу прямо **бросаешь в реку** с буйным, бурным течением»* (<https://www.forbes.ru/forbeslife/480190-bastrykin-porucil-proverit-vyskazyvania-zurnalista-krasovskogo-o-detah>). Данное высказывание вызвало бурную отрицательную реакцию буквально со всех сторон, что привело к увольнению А. Красовского, несмотря на принесенные им публично извинения.

Однако существуют тексты, в которых представлена обсценная и/или стилистически сниженная и/или оскорбительная, негативно окрашенная эмоционально-оценочная лексика, но при этом отсутствует деструктивная интенция:

*Ненависть к Галине Леонидовне достигла такой острой формы, что Андрей Николаевич возжелал её, мстительно представив себе **ненавистную тварь** в, так сказать, непарламентской позе – бегуньей на старте* (Анатолий Азольский. Попушок // «Новый Мир», 1998. НКРЯ).

В данном примере оскорбительное значение слова «тварь» нивелируется за счет ироничного стиля автора и его умения создать комический эффект.

Мы полагаем, что, кроме наличия в тексте определенного набора содержательных компонентов деструктивности, для определения деструктивной интенции и отнесения текста к разряду деструктивных необходимо ввести еще один параметр. Речь идет об изменении аксиологической структуры текста. Если в тексте фиксируется преобладание враждебных эмоций в форме их номинации, экспрессии или дескрипции и адресант использует языковые средства понижения статуса адресата, то нарушенными оказываются базовые принципы общения, в частности, принцип кооперативности общения. Таким образом, происходит нарушение аксиологической структуры текста: коммуникативные ценности, которые, по своей сути, являются инструментом проникновения в сознание носителей лингвокультуры, подменяются анти-ценностями. Лингвокогнитивный подход к анализу деструктивных текстов позволяет рассмотреть роль языковых средств в актуализации «анти-ценностной картины мира», связать деструктивную интенцию со средствами ее вербализации и, в конечном итоге, проследить динамику глобальных изменений в коммуникативном сознании социума.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 304 с.

Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68–77.

Гостюнина В.А. Метод и алгоритмы классификации текстовой информации по индикаторам деструктивной направленности: дис. ... канд. техн. наук. Астрахань, 2021. –146 с.

Злоказов К.В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 244–251.

Ионова С.В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-teksta-v-stremlenii-k-tochnosti-i-shirote> (дата обращения: 27.10.2022).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Щербакова О.И. Контексты в конфликтологии. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2006. – 80 с.

Grice P. Utterer's Meaning and Intentions // The Philosophical Review. –1969. – 78 (2). – P. 47–77.